

Олег Ока

*Серый ветер,
серая река*

Олег Ока
Серый ветер, серая река

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48564757

ISBN 9785005072702

Аннотация

Тема, вроде бы старая, заезженная, параллельные миры, двадцатые измерения... Но здесь ничего этого нет. Мы видим мир так, как воспринимаем его, и это индивидуально. Но не влияет ли наше восприятие на само мироздание?

Содержание

Серый вечер, серая река	5
часть первая	5
1. Лекция про кота	6
2. Неуютный вечер	14
3. Весёлое утро	23
4. Разговоры без оборотней, вампиров и Буратино	31
5. Дорога, река и живопись	36
6. О доверии и болезнях	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Серый ветер, серая река

Олег Ока

© Олег Ока, 2019

ISBN 978-5-0050-7270-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серый вечер, серая река

часть первая

Запись в медицинской
карточке: "Психических
заболеваний нет.
Просто дурак" :)

1. Лекция про кота

Они сидели в маленьком кафе, недалеко от института, на территории Московского рынка. Здесь пахло жареным луком, хычинами, было пусто, потому-что время обеда уже прошло, было жарко и скучно. Откуда-то доносилась музыка «Бони М».

– В последнее время я работал над проблемой квантовой рефракционной решётки, – пожаловался Чеслов. – И ничего у меня не получается.

– Может быть, немного объяснишь? – попросил собеседник. – Знаешь, иногда решение приходит, когда объясняешь задачу другому. Хотя-бы самому себе в зеркале. Во-первых, что такое квантовая рефракция и для чего она нужна?

– Практически, в прикладном смысле – не знаю. Но явление интересно само по себе. Оно выявляет истинное значение реальности.

– Показатель? Характеристику?

– Нет, истинность. Ведь мы практически лишены возможности отличить реальность от видимости. Или восприятия.

– Не понимаю.

Чеслов растерялся. Снял очки, посмотрел на них, прищурившись, снова водрузил на место. Повертел, зачем-то, солонку, поставил на стол.

– Но, вот смотри. Слышал о коте Шлезингера? Пока кот

сидит в ящике, мы знаем о нём только то, что он существует. Больше ничего. А может быть его там и вообще нет? Он – неопределён. Есть только мнение, что он может быть существует. Но как только мы открываем ящик и видим содержание, кот становится определённым объектом. То-же самое с нашей действительностью.

– Как? Ведь мы видим её, она не где-то в чёртовом чёрном ящике, она вокруг нас, и мы часть её.

– Правильно, существует и такое мнение. Мы видим, мы ощущаем, и считаем это реальностью. А если чувства нас обманывают? Фата-моргана, мираж в пустыне. Мы видим сказочную картину и считаем её реальностью. Но – мираж.

– Извини, оптически это реальность. Картина существует на самом деле.

– Да, дело в нашем восприятии. Мы можем посчитать её реальностью, и просто пройти мимо. А можем устремиться к ней, в надежде на спасение, и – погибнуть. Так и с нашей реальностью. Мы считаем её сущностью, мы живём в ней, мы видим, ощущаем её так, и не иначе. Но как её ощущают насекомые? Водные твари? Птицы? Микроорганизмы, в конце концов? И чьё восприятие правильно, действительно, а чьё является ошибкой, неправильным восприятием, обманом, а точнее, самообманом? Ведь от этого зависит само существование цивилизации. Пока мы живём в своей сфере мироощущения, всё нормально, это наша зона комфорта. Но как только мы пытаемся выбраться за лимит про-

странства, мы оказываемся во враждебной среде. И тут важно определить, что действительно составляет суть нашего восприятия, а что мы только воображаем, что нам кажется. Вот мне и кажется, что квантовая рефракционная решётка позволит с большой долей вероятности отделить реальность от ощущений.

– И ты запутался?

– Да. Мне не хватает фиксированных определений. Мне не хватает статистических фиксированных наблюдений и мнений. Конечно, статистика существует, но она случайна, субъективна, и её рассчитывали на другие параметры, которые меня не интересуют.

– Изучая реальность, ты должен учитывать ВСЕ факторы, здесь не может быть ненужных явлений и их наблюдений.

– Думаю, это не в силах сделать даже самые мощные компьютеры. И дело не в их производительности, а в пристрасти людей, откуда вытекает разброс мнений и оценок явлений, их слишком много.

– И чтобы произвести их отбор по критерию истинности, тебе и нужна твоя квантовая штуковина?

Чеслов мрачно кивнул и развёл руками:

– Это заколдованный круг. Чтобы решить задачу, нужно решение другой задачи, которое можно получить, только решив первоначальную задачу... Это апория.

– Так, откажись от неё.

– Как?

– Выбери более простое решение. Бритва Оккама. Упрости условия, ограничь задачу. И, уже решив более простую проблему, через неё переходи на более сложную, вводи новые данные, ставь новые вопросы.

– Это интересно. Если мне попытаться решить простейшее условие на бытовом уровне? Выбрать только две определённые неопределённые величины... Это... Это просто гениально.

– Что-то мне кажется, что кошка Шредингера не совсем соотносится с твоей основной проблемой? Слишком ты накрутил... Ведь вопрос в чём-то другом? И это другое как-то соприкасается с рефракционной решёткой? Или это аллегория?

Чеслов подумал несколько минут, за которые собеседник выкурил сигарету и выпил чашку кофе; он знал эту особенность друга отключаться от окружающего, чтобы решить какой-то вопрос. Он дождался. Чеслов решил.

– Да. Понимаешь, мне самому очень неудобно... Я подумал, может быть ты сможешь мне помочь... в личном вопросе...

– Быть, или не быть?

– Наверное. Конечно, страсти не Шекспировские, но ведь с этим надо что-то делать... и жить...

– Я всё ждал, когда ты перейдёшь к делу... Проблемы с Мэрил?

– Нет, проблем нету. Такие девушки, как она, на каждом

шагу не встречаются... А проблемы, да... Только я никак не пойму, они есть, или их нет.

Собеседник протянул руку, потрепал Чеслова за рукав:

– Ты её подозреваешь? Чудовище с зелёными глазами, и всё такое... Нет? Что-то другое?

– Я не знаю. Временами мне кажется, что то, что происходит с нами – чей-то сценарий. Сценарий неуклюжий, мало похожий на чёткий план, какая-то несуразица. Я не видел в жизни такого... или мне это кажется? В общем, я не уверен в себе. Я не уверен в завтрашнем дне, я не уверен в том, что происходящее имеет перспективу дальнейшего развития. Я ни в чём не уверен. Бен, такое с тобой было? Что мне делать, чтобы обрести веру в реальность?

– Это просто. Пошли все проблемы на хрен. И сам катись туда-же, вместе со своей тёлкой. Дыши полной грудью! Играй в карты, пей вино, трахайся! Живи! – Бен поднял рюмку с текилой, со вкусом выпил, крикнул.

Чеслову показалось, будто улица замерла, будто в ожидании грозы, потолок заколыхался, как простыня, довольно грязная, надо сказать. Бен выжидательно смотрел на него, неприятно скалясь.

– Что ты говоришь, Бен? Ты лишнего выпил? Или я что-то не то сказал?

– Алан, тебе, кажется, надо просто переключиться... – Бен отпил минералки, тронул друга за руку. – Заснул? Да что с тобой такое? Я говорю, забрось науку, займись какими-ни-

будь стиральными машинками, миксерами. И семьёй, женщиной своей. Давай съездим куда-то на природу, с нашими женщинами, подышим лесным воздухом. Я говорю банальности? А ты ждал откровений Будды?

Алан вздохнул, закрыл глаза, задышал часто. Что происходит?

– Ничего я не ждал. Извини, запачкал тебе мозги...

– Нет, ты правильно сделал, что высказался, иногда нам это действительно необходимо. Так что, просто выставь свои решётки в лоджию и обрати внимание на Мэрил... Обещаешь не делать глупостей?

Алан поднял глаза на друга, пожал плечами:

– Извини, привиделась ернунда. Что-то из Стивенсона, мистер Хайд, понимаешь. Но я не совсем понимаю, о чём ты говоришь. Ничего у нас не изменилось. Просто я потерял почву под ногами. Без всяких оснований и поводов. Дурацкое чувство, надо сказать...

– Я знаю тебя... уже сколько? Лет шесть? И Мэрил, значит, больше двух лет. Ребята, вы мне нравитесь, нормальные такие люди, не лишённые некоторой придуринки, но и чувство юмора присутствует. А вот то, что ты мне здесь сейчас попытался преподнести, это что-то новенькое, и в схему не укладываемое. И были-бы вы гуманитариями, это можно было-бы списать на чудачество, присущее романтическим идиотам. Но ведь вы технари... Я не понимаю, как я должен всё это воспринимать, но, Алан, прошу, будь остро-

рожнее...

– Думаешь, я свихнулся? Не надейся. Но... – он виновато усмехнулся. – Кажется, я и сам ничего не понимаю...

– Вот в этом и дело... Но если это все твои проблемы...
Бывает хуже.

– Бывает, – удручённо согласился Чеслов. – Только когда живёшь в зоне комфорта, и вдруг вот это, так это не утешает. И ещё иногда зверски болит голова.

– Тоже бывает, – равнодушно согласился Бен. – Недавно отмечали рождение сына у Белянских, жалко, тебя не было, так наутро с их коньяка... Да...

– Чёрствый ты человек.

– А? Да, возможно. Но я сказал-бы, рациональный. Смотрю на материальные вещи материалистически. Мнения, сомнения, это всё воздействия системы. А ты живи и работай. И больше о жене думай. Ну, или, в крайнем случае, о женщинах. Это упрощает жизнь... Или усложняет? Рабочий день закончился? Ты поговори с Мэрил о пикнике, завтра звякну.

– Хорошо, будем ждать... Так, что ты там говорил про кота? Неопределённость? А котяра что сам думал о своей сути? Воспринимал себя, как реальность?

– С ума не сходи... А чем ты сейчас по работе занимаешься, тема не закрытая?

– Заказ из Сколково. Приставка к...

– Всё-таки кванты... Понятно.

– Ничего не понятно. Там простая сантехника, железки.

У меня своя тема, не официальная... Но отношение имеет.
Только никак не пойму, что приоритет.

– Ладно, разберёшься. Только не очень заумствуй.

2. Неуютный вечер

Он пришёл поздно, и Мэрил, услышав звуки, вышла в прихожую, стояла в дверях, смотрела, как он снимает тяжёлые ботинки, вешает куртку. Молчала. Чутьём она угадала настроение, прошла на кухню, включила кофеварку.

– С кем виделся? Не с демонами? – как у него дела, она спрашивать не стала, по его виду догадывалась, что дела, как обычно. И тема эта стала закрытой, нужно будет, сам скажет.

– С Беном..., – она ждала продолжения, и боялась, что он просто замолчит, как у него уже вошло в привычку. Но сегодня было что-то другое. – Поговорили... про жизнь.

– Как у них дела? – под «них» она подразумевала Ирину, жену Бена, и Алан это понял.

– Всё в порядке. Бен... он намекнул, что неплохо нам вместе куда-то поехать, пикник. На недельку. На озёра, или просто в лес...

– Тебе эта идея пришлась по душе?

Он посмотрел на неё, пытаясь по выражению её лица угадать, а что она думает об этом. Ничего не понял, вздохнул.

– Я не знаю. В работе стопор, и когда это пройдёт, я не знаю. А заниматься ширпотребом совсем нет настроения. Просто не знаю. Обсудим это завтра? Я буду дома...

Почему он чувствовал какую-то вину, непонятно, из-за чего, будто пытался что-то скрыть? Ничего плохого в послед-

нее время у него за душой не было, только вот то чувство, о котором он пытался сказать Бену, но так и не смог понятно ничего объяснить...

– Хорошо.

И снова он пытливо взгляделся в её лицо, и опять безрезультатно. Кажется, она ничего не скрывала, и выглядела, как обычно, не видно было, что её тревожат какие-то посторонние мысли, но...

– А у тебя всё сегодня нормально?

– Как обычно. А почему ты спрашиваешь, Алан? Предчувствие? Или, может быть, что-то произошло?

– Всё, как всегда... Всё... хорошо. Никак...

– Может быть, поужинаешь?

– А ты?

– Рано ещё.

– Ладно, давай попозже? Действительно, рано ещё.

В комнате Мэрил просмотрела программу, выбрала какой-то смешной ужастик, знала, что он против не будет, включила, устроилась на диване, приглашающе посмотрела на Алана. Он подумал, помотал головой, присел к рабочему столу, стал просматривать рабочие записи.

– Извини, меня заинтересовала твоя работа, эта схема на кульмане... Я её просмотрела, и, мне кажется, там можно сделать небольшое изменение...

– Надеюсь, ты не вносила изменений в чертёж?

– Нет, я сделала кальку с заинтересовавшего меня фраг-

мента, и на ней отметила предполагаемые изменения. Тебе интересно?

Всё-таки, она была неплохим электротехником, он часто просил её совета, и сейчас заинтересовался:

– Давай посмотрим.

На рабочем столе она расстелила чертёж, её исправление было совершенно неприметным, и он в который раз удивился, как она смогла вычленить такую мелочь. Всё-таки, профессионализм...

– Видишь? Вот этот мостик. Если его убрать, характеристики выходного импульса практически не изменятся. Только вот здесь необходимо поставить диод... Надо рассчитать его параметры... Но я не совсем понимаю, зачем был нужен тот мостик, кажется, он только усложняет схему?

– Как раз он лимитирует параметры выходного импульса, – пробормотал Алан, бегло проводя расчёты на карманном компьютере. – Может быть это и не важно, я не вполне уверен. Пока не надо вносить изменения в основную схему, надо будет смоделировать процесс... Кстати, сама додумалась? Никто не помогал?

– Обижаете, господин. Да и нет у меня таких подруг. Я не буду больше ничего делать, так, развлекалась. Скучно... без тебя.

Он оглянулся на неё, пытаясь понять, есть-ли какой-то скрытый смысл в её словах (Нет таких подруг? Может быть, есть такой друг?), ничего не понял, склонился над столом,

ещё раз просмотрел кальку, сделанную Мэрил, подумал, стоит-ли записать в дневнике о её работе, решил, что пока в этом нет смысла. Зачем отвлекаться на чужое развлечение, может быть, из этого и вырастет что-то серьёзное, но пока это просто... взгляд со стороны.

Он чувствовал себя стеснённо, будто перед ним лежала чужая, незнакомая ему женщина, и он не знал, что можно делать, а что нельзя. Осторожно присел в ногах и почти удивился, когда она положила свои ноги ему на колени.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Но ведь ты рядом, и это хорошо. И спокойно, ведь нет ничего, что могло-бы испортить настроение, нет подводных камней. Что может подарить мужчина женщине? Лучшее, это уверенность в стабильности. Пусть без особо вкусных пирожков, зато надёжно. Не согласен?

– Почему? Только это должно быть обоюдное чувство.

– Алан?... Ведь что-то случилось? Успокой меня, пожалуйста!

– Да, конечно... То-есть, ничего плохого не случилось. Всё хорошо. Пока. Ты не беспокойся.

Это была цветная белая ночь. Внизу колыхался ковёр жёлто-багряных листьев, этим летом листва стала желтеть необычно рано, до конца лета оставался почти месяц. После ужина Чеслов вышел в лоджию, встал у открытого настежь окна, подышал свежим ветерком, потом закурил. Почему-то

ему стало грустно. Причины он не понимал, и раньше в такие моменты прислонялся к Мэрил, и всё плохое уходило. Сейчас ничего плохого не было, только некомфортность, и как это относилось к Мэрил, он не знал, и не спешил к ней под крыло. А где она сама? Ему плохо, а она смотрит своих живых мертвецов чёрной ночью. Почему её нет рядом? Ночь великолепная, при чём здесь дурацкие зомби? Он стукнул кулаком по подоконнику, бросил сигарету в пепельницу и решительно прошёл в комнату. Встал перед диваном, загородив очередную экранную мясорубку.

– Алан, ты чего? Что-то случилось?

Он присел рядом, положил ладонь ей на бедро:

– Наверное я немного устал, в самом деле, иногда видится всякая чушь, вот и с Беном... Ладно, проехали. Лиска... пойдём погуляем? Посмотри, ночь какая, как у Гоголя...

Мэрил не поняла – какая ночь? при чём здесь Гоголь? – посмотрела ему в лицо, что-то она там увидела, чего давно не было, и прозвище, которое он присвоил ей с их первой встречи, а потом забыл.

(– Зачем ты называешь меня каким-то животным!...)

– Это не животное, это образ. Милый, забавный образ, но если ты против...

А потом, в постели, он горячо прошептал:

– Мэрил, ты чудо!

– Нет! Не надо так! Мэрил, это так формально! Называй меня Лиской, это чудесно, давай, давай-же! Давай ещё, ещё,

ещё!...)

– Конечно, – прошептала она. – Замечательно! Пойдём...

И всё было замечательно, только когда они прогуливались под яблонями, глядя, как по Пулковскому проносились легковушки в сторону аэропорта, Алан придержал женщину за локоть:

– Мари, подожди...

– Что такое? Устал? В самом деле прохладно...

– Нет, я о другом. Сейчас думаю над темой... Вот посмотри вокруг. Хороший мир, здесь уютно жить. А если это нам только кажется?

– Не понимаю. Ты в философию ударился?

– Какая философия! Сейчас физика уже метафизикой стала! Почитай интернет!

– Алик, давай не сейчас, ведь хорошо... Давай завтра, а сейчас пойдём отдыхать.

– Ты ещё, как Бен, назови меня сумасшедшим.

– Не назову, я же тебя знаю.

– Подожди! – пальцы на руке Мэрил сжались. – Там что-то есть. За теми кустами...

– Кошка. А может ёжик листья собирает...

– Нет. Слышишь? – и она услышала. Это было рычание.

– Собака. Наверное, мы забрели на чью-то территорию.

Пойдём.

Рычание стало захлёбываться, переходя в странный горловой звук, сменилось плачем и перешло в протяжный вой.

– Может быть, она больная? Или травмированная.

– Ты хочешь проверить?

– Нет! – вырвалось у Мэрил. – Но ведь надо что-то сделать? – меньше всего ей хотелось тащить домой больную собаку.

– Я пойду, посмотрю, – Алан неуверенно пошёл к кустам, вглядываясь в сумрак.

– Зря ты. Не надо. Пойдём домой!

Но он уже подошёл к кустам, откуда теперь доносилось стихающее ворчание. И стало тихо. Разведя ветки, он старался разглядеть что-нибудь, всё было плоским, серый фон, тени, чёрные штрихи.

– Нет здесь ничего. – с облегчением объявил он, оборачиваясь к подруге. – Убежала. Или это было что-то другое.

– Ты уверен?

– Подойди, посмотри. Жаль, фонарика нет...

Этим вечером в семействе Бена тоже поговорили.

– О чём задумался? – поинтересовалась Ирина, когда они уже остывали в постели. – Что-то было днём? Поделишься?

– Не... знаю, стоит-ли оно того. У Алана опять хандра. По рабочей теме что-то у него не ладится. И с Мэрил... тоже.

– Мэрил? Вот странно. Я на днях её видела, девочка цветёт, будто забеременела. А Алан – что?

– Я не очень разобрался. То-ли ипохондрия, то-ли паранойя. Может быть, просто перенапрягся с работой, он-же сумасшедший... Договорились о небольшом совместном пикнике... Где-нибудь на неделе.

– Но это-же здорово! Только... – она скосила глаза на начинающий уже округливаться животик. – Это для... него будет хорошо?

– Конечно! – удивился Бен. – И тебе не помешает. Подышишь лесом, поплаваешь, травка, пляжик. Думаю, это всем будет на пользу. Завтра с ними созвонимся, уточним, когда и куда. Повторим?

– Через минуту. Бен, ты можешь сказать, что с ними не так?

– Не так? С Алом и Мэри? А что там непонятно?

– Не знаю, – задумчиво протянула Марина. – Вот живут люди, а чего не жить? Ведь нету причин, чтобы не жить. А ведь всё чего-то не так, чего-то надо. А сами знают?

– Ты меня спрашиваешь? Вот на пикнике и проведёшь расследование и доложишь.

– Шутишь? Ты готов? Давай уже, шути дальше.

– ... Это было лучше, чем в первый раз, – через некоторое время вздохнула Марина. – Почему всё хорошее быстро кончается?

– «Быстро», это комплимент такой?

– Не придирайся. Быстро, это ощущение. Когда всё хорошо, время летит незаметно.

– А мне показалось, это было долго.

– Разница восприятия мужчиной и женщиной. Это было чудесно. Покурим, и спать?

– Или повторим?

– Видно будет... Пойдём на балкон, ночь хорошая. Кофе, чай?

– Можно стаканчик кваса, если в холодильнике есть.

– Сейчас посмотрю.

3. Весёлое утро

В последнее время Алану стало страшно спать. Снов он не боялся, он боялся проснуться и обнаружить, что сон остался, стал явью. Не реальностью, но извращённой сутью действительности, в которой всё похоже на настоящее, но настоящее, сменившее лицо. То, что мы считаем видимостью, исказилось в кривом зеркале восприятия и стало тем, что мы обычно считаем придуманным, порождением фантазии, бредом больного сознания. Во сне всё было просто, всё допускалось, потому что имело границы существования между засыпанием и пробуждением. Но то, что могло остаться после пробуждения, уже ничем не ограничивалось, может быть, только смертью.

Сколько раз ненавидел он себя за этот страх перед неизвестностью пробуждения, ведь самый невинный сон мог обернуться кошмаром невозможной сути, в которой не было места ни ему, ни всему, что составляло его жизнь.

В этот раз ему снился кот Шредингера. Это было пять плоскостей тьмы, и в ограниченном пространстве пустоты светились глаза. На ум сразу пришёл Чеширский кот. А свет от кошачьих глаз высвечивал ещё ниточки усов.

– Вы не умеете определить меня, пока не схватите за хвост, – сказал кот. – Но всё дело в том, что раз я служу темой ваших измышлений, значит, я существую. Вы не мо-

жете думать о том, чего не знаете. Но если вы пытаетесь меня познать, значит, я есть объект. Сущий в реальности. Что мне с того, что вы не знаете моей масти, или размера, или моего нрава? Это ваша беда. Дело в том, что правда обо мне вам и не нужна. А что вам надо – это правда о вашем мире. Но она вам не доступна. Вы не можете её вообразить, представить, оценить, анализировать, потому что не знаете сути её природы. Более того, вы не можете даже сказать, нужно-ли вам это знание. Может быть, вы и живёте только потому, что не обладаете этим знанием.

Кот прищурил один глаз, и Алан будто увидел, как он потягивается, выгибая спину и вонзая когти в подстилку.

– Ты врёшь, – холодея от ненависти к беспардонному собеседнику – ведь тот говорил правду, но имел-ли на это право! – процедил Алан, не разжимая губ. – Ты всё врёшь, вот это и есть истина. Какое тебе дело до того, что мы знаем, и что стремимся узнать! Ты сам существуешь только в воображении, но не в мире.

– Ну-ну, успокойся уже, – небрежно отозвался кот. – Несуразицу ведь несёшь. В вашем убогом воображении может быть только то, что вы имели на завтрак, или в постели перед сном. Вещи самые прозаические, твёрдокаменные, на которых и зиждется ваш убогий мир, мир, который может быть есть, а может быть он есть, но совсем не то, чем кажется вашему воображению. Даже себя вы воображаете так, как вам удобнее, а что уж может быть ближе и известнее!?

Проснувшись, ты уверен, что рядом с тобой спит то, что тебе кажется, или хочется, что тебе желанно, или ненавистно и страшно? Ты уверен в ЭТОМ? Кстати, у тебя в кармане не найдётся кусочка колбасы? Можно котлету.

– Ты ещё и нуждаешься в питании?

– Ответ, есть или нету?...

– Я... не знаю.

– Честный ответ. Человек не может сказать определённо о содержании своих карманов, но берётся рассуждать о мироздании. Тебе это не кажется немного... надуманным?

Алан проснулся от того, что в его трусы проникла рука, мягкая, но решительная, и её пальцы стали ласкать, нежно и требовательно. Это было необычно. Потом к его лбу прижались губы, они перебрались на глаза, подбородок, шею, спустились по плечу к соскам и ниже...

– Лиска, перестань баловаться! Что на тебя нашло, ведь утро уже, наверное...?

Почему-то ему совсем не хотелось открывать глаза, это было сродни его страху перед пробуждением.

– Ал, перестань притворяться канистрой, и трахни меня!

Я хочу этого, мой тигр!

Ужас! Что она болтает!?

– Тебе мало было вечером? И что за выражения ты употребляешь, наших сериалов насмотрелась?

– Вечером? Что ты такое говоришь? Забыл, какой ты приполз с работы? Ведь в сиську нализавшись, в баре опять си-

дел с этими алкашами?

– «Где я? И я-ли это?» – проползло в голове. Хочешь-не хочешь, а глаза надо открывать. Он увидел её голову, лежавшую у него на животе, в области паха, вернее, затылок. Что она там собирается делать? Растрёпанные, крашенные волосы, сморщенная кожа на шее (не очень чистой), потрёпанная ночная рубашка. КТО это? Лихорадочно отодвинувшись, он сел, прикрылся старым одеялом. Она повернула к нему лицо, и Алан впервые почувствовал, что означает выражение – «мурашки по коже», точнее, это был озноб, и по коже сползали капли пота.

– Где я? – он вглядывался в морщинистое, измождённое лицо, не узнавая, но невольно отмечая знакомые чёрточки. – Мэрил? Что случилось? Что с тобой? Что с нами происходит?

Он чувствовал чужое помещение, неудобное, холодное, пахнущее табаком и чем-то затхлым, сырым и скучным... Похоже было, что где-то рядом сушится на верёвке мокрое бельё.

Это было что-то рутинное, опротивевшее до боли, до смерти, но вместе с тем это было, как приевшийся водевиль, где известна каждая интонация, каждый взгляд и каждая пора на лице персонажей, и после каждой глупой реплики за сценой раздаётся не менее глупый смех группы сопровождения.

– Похмелиться-бы, – пробормотал он, облизывая пересох-

шие губы. – Башка трещит, в самом деле... Что-то вчера был перебор.

Кто это сказал? И её глаза вдруг расширились от удивления, и розовые губки приоткрылись, показывая маленькие белые зубки.

– Алан, ты хорошо себя чувствуешь?

Водевиль продолжался. Но тексты, кажется, сменились, герои поменялись местами, и декорации стали более резкими и определёнными. И привычными.

– Прости, – сухо сказал Алан. – Прости, если напугал. Сон, совершенно дурацкий. И голова. Кажется, я немного простудился ночной прогулкой, вот глупость! Ты давно проснулась? Чаю хочется, крепкого, сладкого, с малиной.

– Нет у нас малины, ты уж извини, – огорчённо сказала Лиска-Мэрил. – Но чай сейчас будет. Зелёный? Может, таблетку дать?

– Две. И чай погорячее.

Она слезла с кровати, прошла на кухню, и он с удовольствием проводил её взглядом, рубашка её так задорно колыхалась, приоткрывая трусики. Эх, Мэрил... Ему вдруг страстно захотелось, чтобы она была счастлива. С ним. Да, только с ним. Но что он может сделать? Что зависит от него, кроме бережного отношения и уважения? Водевиль!

– Может быть, бутерброды будешь, тосты?

– Спасибо, только чай! – отозвался Алан.

Появилась грациозная Лиска, пританцовывая, поставила

поднос на прикроватный столик, две кружки, тарелочка с бутиками, две таблетки.

– Еда для меня, раз ты отказался. Передумаешь, поделюсь.

Села в ноги, придвинула столик. Алан кинул таблетки в рот, с удовольствием отпил чай.

– У тебя дел по дому много?

– Какие дела? Обед приготовить, это пустяки. А ты что-то интересное можешь предложить?

– Не знаю. День свободный, если из института не позвонят. Можешь тиранически мной распоряжаться. Я пока в интернете поковыряюсь. Потом Бону позвоню.

Мэрил откусила бутерброд, с удивлением посмотрела на него, довольно хмыкнула:

– Вкусно, люблю сыр! Зря отказываешься. Вчера мама звонила, спрашивала про наши дела, про планы. А какие у нас планы? Ал, может быть в самом деле что-то такое спланируем? Все люди строят планы на будущее, только мы живём, как одуванчики, ветер дунет, и улетим.

– А у них как дела? Порядок?

– Всё по прежнему, не болеют, стареют потихоньку, на огороде ковыряются, в гости ждут, но это, наверное, не скоро?

– Ты-же знаешь, от меня не зависит. Но следующим летом я отпуск обязательно выбью, сколько можно!

– А ты знаешь, Маринка у Бена рожать собирается?

– Знаю.

– Счастливая!

– Странное представление о счастье, счастье в воспроизведении себе подобных.

– Это ты странный. Ведь это творчество. Не в воспроизведении, а в воспитании, ведь человека делаешь, это интересно. И ответственность, конечно.

– Ладно, к чему эти разговоры. Придёт время, подумаем и об этом.

– А почему не сейчас?

В самом деле, почему? Почему он не хотел об этом думать? Тем более решать. Ведь решение – это изменение. Изменение всего в жизни, это граница, за которой будет всё по другому, не зависимо от самого решения.

– Наверное, я боюсь?

– Вот казус! Чего боишься? Нельзя бояться того, чего не знаешь, чего не чувствуешь, чего никогда не было в твоей жизни. У каждого своё. Это жизнь, и надо просто определиться, чего надо бяться, и почему надо бояться. А может быть и бояться на самом деле нечего? Я понимаю, ты не хочешь лишиться размерности, отказаться от каких-то привычек, привязанностей, но ведь появятся другие, не менее интересные и приятные.

– Ты думаешь? Вообще, к чему этот разговор? Ты хочешь детей?

Лиска задумалась, накручивала локон на палец, покусывала губки, наконец пожала плечами:

– Ты прав. Я не знаю. Наверное ещё не готова, как тот цыплёнок-гриль. Надо ещё пожить, оно само должно определиться. Мы многое решаем, неизвестно зачем, а потом оказывается, что поспешили, не предусмотрели, не предвидели то, что должны были предвидеть, а оно само напрашивалось. Ведь люди часто себя ругают, а исправить уже ничего нельзя.

– Твоими устами... Простая сермяжная женская мудрость. Как там ещё? В общем, как пригодишься, ставь на голосование. Ты умница, я тебе доверяю. Это я дурак, и ты почаще мне об этом напоминай.

– А ты не дурак, Алан, ты хитрый. Как ты всё это повернул...

– Значит, прими это. Ты ведь молодец? Спасибо за завтрак.

Водевиль...

4. Разговоры без оборотней, вампиров и Буратино

Про звонок Бену Алан вспомнил только после десяти. Бен, похоже, тоже не сразу сообразил, в чём дело.

– Алан, что случилось?

– Бен, – процедил сквозь зубы обозлённый Алан. – В последнее время все только и спрашивают, не случилось-ли у нас чего-то страшного. Или просто чего-то. Что может случиться в этой жизни? Да, ничего, кроме головной боли.

– Слушай Ал, а ты вовремя, с час назад мне звонил Семён, поговорили за жизнь, ну, я рассказал ему о планах, он был просто счастлив. У него, понимаешь, в Сиверской есть дом, сейчас пустующий. Старый, но крепкий. Сто метров от реки, есть печка, баня, все дела. Прикинь! Не надо тащить палатки, запас еды, там магазин неподалёку. Как тебе?

– Семён, – Алан пожевал губами. – Это у которого куча детей?

– Ты ещё спишь? Так проснись уже. Семён, медвежонок который, рыжий такой, в очках.

– Теперь вспомнил, худенький, чертёжник который.

– Ну, хорошо. Значит, в пятницу, где-то после обеда, электричка с Балтийского, или с аэропорта, кому как удобнее. Ладно, о-кей, привет подруге.

Подруга стояла рядом, прислушивалась.

– Что там, – спросила, когда он положил трубку. – Надеюсь, ничего экстренного, непредвиденного?

– Ты ещё спроси, не случилось-ли чего!

– Что могло случиться, пока я торчала в ванной? – пожала плечами, села перед зеркалом, занялась макияжем.

– Спрашивать я ничего не буду. Но ты, Алан Чеслов, сейчас понятно объяснишь мне, что было утром, когда ты проснулся.

– Полтергейст?

– Не валяй дурака. Плохо получается. С тобой что-то происходит, я не понимаю и не знаю, чего следует ожидать.

– Думаешь, я знаю? – тоскливо отозвался Алан. – Кто мне объяснил-бы... Это... что-то вроде видений, только это не чебурашки, заплутавшие между миров, как раз ничего потустороннего, мистического я не видел... Хотя, кто что сейчас понимает, говоря о мистике? Но у меня не мистика, никаких изгоняющих дьявола. Что-то совсем другое. Читала, наверное, о «мигающих» мирах? Это на тему квантоватых вселенных. И ведь никто ничего определённого сказать не может, а вот теорий напридумывали множество, кто во что горазд.

– Я так и поняла, что это связано с работой. Ал, тебе нужен отпуск. Без компьютера, без сетей, без разработок. Рыбалка, грибы – хоть помнишь, что такое грибы? – пляж, фрукты, минералка и хычины. И хороший трах.

– Значит, ты думаешь, дело в моём больном мозгу?

– Я диагнозы не ставлю, я полагаюсь на впечатления.

Алан затравлено взгляделся в сидящую женщину. Вроде, всё в порядке, Лиска была собой, что-то там подкрашивала, выщипывала, подправляла, озабочено шевеля губами. Наконец удовлетворённо вздохнула, отодвинулась от столика, ещё раз издали оценила красоту, потянулась.

– И что, Алан? Что ты мне можешь предложить на ближайшие пол-дня?

– Ну... ты там что-то упомянула после пляжа, «боржоми» и хычин...

– Дурак ты, это физиологическая потребность, ну, и удовольствие тоже. А что из интеллектуального? Только не слишком заумного, что-то вроде цирк, водевиль, аквапарк?

– Тебя заводит цирк? Никогда не подумал-бы!

– Я ненавижу цирк и зоопарк. – тихо сказала Мэрил. – Я вообще не понимаю, как это может кому-то нравиться, разве что садистам. Или совсем маленьким детям, которые часто тоже проявляют садистские наклонности, они просто не понимают этого. Невинные животные в клетках. А там место преступникам.

– Не будем говорить о печальном, – он подошёл к подруге сзади, обнял за плечи. И невольно скосил взгляд на её шею. Кожа была гладкая, смуглая. И вся она была уютная, маленькая, вызывающая чувство нежности.

– Давай просто побродим? Не надо нам придумывать какие-то цели, выйдем где-нибудь на Сенной, пойдём по набережным. Или от Стрелки к мосту Декабристов, мимо сфинксов...

Внезапная боль вдруг возникла у него в висках, так что он застонал, ощупью прошёл к креслу, опустился, закрыв глаза рукой.

– Алан? Что?...

– Голова. И глаза. Ничего, уже проходит. Только туман, не вижу...

– Сейчас зайдём к окулисту, у метро есть кабинет. И никаких отговорок.

– Подождём, может быть зрение восстановится.

– У тебя уже было такое? Только честно.

– Не было. Я ведь тебе сейчас говорил, только какие-то видения, образы, цветные пятна. Но чтобы совсем ничего, нет... Подожди, кажется, какой-то свет вижу... Как у Уэллса, помнишь «Случай с глазами Дэвидсона», кажется так.

– Это, где он видел остров в Южном океане? Но там этот человек мог перемещаться по своему видению...

– Я думаю, что это так и было.

– Не фантазируй, Ал, не хватало ещё, чтобы ты в какую-то мультивселенную попал. Хватит пугать меня, всё твоя работа.

– Подожди, я что-то вижу... Пока пятна, серые, вот! Это похоже на реку. Обрывистые берега, наверху лес, речка уз-

кая, течёт по дну болотистой низины. Не понимаю, место совершенно незнакомое.

– Алан, ты не шутишь?

– Конечно, шучу. Всё прошло, просто затмение какое-то... не знаю. Что-то повлияло на зрение, но всё уже хорошо. Прости, если напугал, но я сам поначалу перепугался.

– Алан Чеслов, совести у тебя нет! Я тебя кастрирую!

Они собрались и пошли к окулисту, который определил переутомление и прописал недельный отдых на Багамах. Наверное, он всегда мечтал там побывать.

А Лиске Алан всё-таки соврал. Он в самом деле видел реку.

Когда они проходили через Театральную площадь, Лиска сказала:

– Завтра мы поедем на пляж, и будем топить баню.

– И через два дня мы заскучаем по городу.

– Не заскучаешь, потому что по приезду я сразу определю тебя на обследование. А если твоё начальство заупрямится, я весь ваш институт разрушу. Как торнадо.

5. Дорога, река и живопись

На платформе «Аэропорт» шёл дождь. Хорошо, час пик ещё не пришёл, народу было немного, и под немногочисленными навесами нашлось место для укрытия от дождя. Скоро неторопливо подползла электричка, зашипела тормозами и дверями.

Они специально выбрали этот поезд, шедший только до Сиверской, здесь было свободнее, чем на Лужских и Мшинских. Алан с Мэрил вошли в последний вагон и удивились сырости – вагон не отапливался, машинисты экономили на электричестве, сразу увидели высокую фигуру Бена, махавшего им рукой, прошли к компании, Алан забросил свою сумку на багажную сетку.

– Кто дождик заказал?

Семён подслеповато косился на Мэрил, он видел её до этого только один раз, и знакомы они не были.

– Ребята, вы шашлыков не захватили?

– Не догадались. Шашлыки сейчас русское национальное блюдо. Но у нас есть бифштексы. А рынок в Сиверской не функционирует?

– Ладно, на станции есть неплохой мясной магазинчик, – Семён развёл руками. – Но если дождь усилится, думаю, шашлыки не понадобятся. Правда, река там тёплая, кто-то любит купание под дождём? Вот с пляжем проблемы.

– Что там за река? – поинтересовалась Мэрил.

– Ордеж, речка длинная, но неширокая и мелкая. Вода прозрачная, есть где понырять.

Стали вспоминать прежние отпуска, пикники, реки и озёра, ругать погоду...

– Каждая погода – благодать, – процитировал Семён. Его девушка, назвавшаяся Жанной, в компанию ещё не вписалась, но на удачные шутки охотно и долго смеялась, мини-юбка и топик на ней были итальянские, кроссовки немецкие, и девушки поглядывали на неё с интересом. Пару раз удалялись в туалет, покурить, и видно было, что общий язык они нашли.

– Погода, это от Бога, от людей не зависит, – промолвил Семён. Состоялась небольшая дискуссия на тему, любят-ли Всевышний людей, если в Библии много несоответствий и благих обещаний, а где они на самом деле, где один из самых привлекательных для людей постулатов: «Просящему дастся»?

– Бог не может лгать только потому, что Он – Бог. И любое слово Его есть божественная истина. А если Он сегодня объявит один закон, а завтра другой, противоположный сегодняшнему, разве Он будет Богом? – наконец и Алан сказал пару слов.

– Ты хочешь сказать, что если Бог захочет солгать, Ему нужно будет перестать быть Богом? – спросила Мэрил.

– Но получается как раз так.

– Подожди, ты рассуждаешь, как логическая машина, построенная человеком, но логика Бога никак не совпадает с человеческой. Всё основано на Вере.

– Только Вера должна быть механической, не знающей ни отговорок, ни исключений, ни допущений. Практически, мы должны слепо верить, и... и всё. Вера оправдывает всё, что происходит в нашем мире. И объясняет любое явление волей Божьей.

Потом, во время затянувшейся паузы Жанна спросила:

– Сёма, там в деревне телевизор хотя-бы есть?

А Мэрил посмотрела за окно и вытерла запотевшее стекло:

– Ребята, а здесь, вроде как, солнышко проглядывает.

В Сиверской дождя уже не было. Было безветренно и душно. Сошли с платформы и у входа в кассовый зал увидели киоск мясных изделий. Увы, для шашлыков здесь ничего не нашлось, прошли по подземному переходу и наверху, в мясном магазинчике нашли искомое.

– Далеко ехать?

– Две остановки на автобусе, и там пройти минут пятнадцать.

Вышли на остановке в микрорайоне, называвшемся «Военный городок», когда-то здесь была база истребителей, но уже лет пять её перевели куда-то на север, а название так и осталось. Зашли и здесь в магазин, купили торт, хлеба, кофе, картошки, масла. Посоветовавшись, взяли и водки. По-

том прошли метров двести узкой улочкой, слева ограниченной трёхметровым бетонным забором, а справа покосившейся штакетниковой оградкой, и вышли на высокий берег к бетонному пешеходному мостику. Под мостиком среди камышовых зарослей протекала речушка, где десять метров шириной, а где не больше трёх.

– Вон наш дом, – Семён показал на противоположный берег, вправо, где под яблонями угадывалась крыша строения. Идти был метров триста.

– Красиво, – вздохнула Мэрил, остановившись рядом с Аланом. Тот тоже замер, не отрывая взгляда от речной долины. – Завораживающий пейзаж, не правда-ли?

– Да, впечатляет...

– Похоже, будто тебе эта картина знакома. Ты был здесь раньше?

– Нет, – пробормотал Алан. – Просто, впечатление... потрясающее.

– Или тебе опять что-то привиделось? – оглянувшись, спросила девушка.

– Нет. Что ты! Правда, я сам этого постоянно жду и... боюсь.

– Я взяла успокаивающих таблеток, надо будет тебе вечером их принять.

– Хорошо. Как скажешь. Только вот меня не оставляет ощущение, что всё это мне должно быть знакомо, река, долина, крутые склоны... Даже небо. Не спрашивай, откуда. Я

впервые вижу этот пейзаж, но... как будто я уже давно всё это знаю.

– Алан, успокойся. Если это тебя тревожит, мы уедем. Хочешь, уедем немедленно. Ты говоришь неразумно. Сам признаёшь, что сейчас с тобой всё в порядке. Тебе просто необходимо отключение от городских забот.

– Да. Необходимо. Смотри, мы отстали от ребят. Надо догонять, а то заблудимся.

– Алан, – это уже на ходу. – Но у тебя самого, без докторов, есть хоть какие-то предположения, как это происходит. Что-нибудь о механизме явления?

– Много. Только всё это гипотезы. Например, такая фантазия. Во многих фильмах, наверное, видела, некий ненормальный герой видит в темноте, или это слепой человек. Они видят не глазами. Есть предположения, что наша нервная система снабжена датчиками, реагирующими на энергополя, они отмечают движение, дыхание, работу мозга. Не знаю.

– Ещё что-то?

– Ещё есть гипотеза о множественности миров, существующих одновременно в одном пространстве. Это не параллельные миры, это один мир, существующий в разных точках зрения, в разном понимании, поворачивающийся разными плоскостями.

– Так вот над чем ты работаешь. Рефракционные квантовые решётки. Я тебя не спрашивала о твоей работе, считала, что ты просто решаешь ребусы.

– Кажется, мне эти ребусы боком выходят.

– Но ведь это пока теоретические работы?

– А если они активировали ту работу мозга, о которой мы только догадываемся?

– И решённые практически, претворённые в жизнь, они могут перевернуть мир, в котором мы живём.

– Не знаю, может быть.

Первым делом растопили печь, в доме после дождя было сыро.

– Обычно кто-то из семьи приезжает сюда раз в неделю, если не протапливать, дом покроется плесенью, жить будет невозможно. Да и мебель, книги...

– Семён, я вижу, у вас здесь много книг! И альбомы по искусству! Можно посмотреть? Даже мой любимый Ван Гог, это чудесно. – Мэрил сняла куртку и осваивалась с обстановкой. Её внимание привлекли книжные стеллажи в кабинете. Подошла заинтересовавшаяся Жанна, тоже стала просматривать корешки.

– Сеня, у тебя и альбом Тулуза-Лотрека!

– Ты тоже интересуешься живописью? – удивилась Мэрил. Как-то не увязывался в её сознании образ Жанны с увлечением искусством.

– Конечно! Я многим увлекаюсь. Мне нравится Тулуз-Лотрек, мне нравится хрен с мёдом, ещё мне нравятся фильмы с Юрием Никулиным, очень непосредственные, искренние.

Такая градация приоритетов Мэрил весьма удивила. Что-

ж, у каждого своё.

– А я не очень люблю Тулуз-Лотрека. Слишком у него манера острая, колющаяся. Мне больше Ваг Гог по душе... Краски волшебные. Загадочные картины.

– Но Тулуз-Лотрек и должен быть острым, он-же импрессионист!

Подошёл и Алан:

– Давно я не видел репродукций Ван Гога. Звёздная ночь, это что-то несбывшееся.

В кабинет вошёл огорчённый Бен:

– Девочки, почему на кухне одна Ирина? Вам не кажется, что ей там одиноко и скучно. А мальчики займутся баней. Вода, дрова и веники...

Скоро дела были сделаны, и баня топилась. Шашлыки решили замариновать на завтра и пока поужинать бифштексами с картошкой и салатом. В погребе нашёлся и бидон с квасом, и малосольные огурчики под водку. Дом прогрелся, выдох, было уютно и весело.

Только когда накрывали на стол в большой комнате, Мэрил в коридорчике придержала Алана за рукав:

– Ты что-то заикнулся про Ван Гога, там, в кабинете. И не договорил. Это имеет отношение к...?

– Ван Гог... Я что-то вижу в его картинах, что-то знакомое. Но не могу понять, что. Возможно, таких людей много. И это означает, что... другой мир рядом.

– Понятно. Постарайся не заикливаться. Найдём время,

подумаем. И ещё скажи... ты видел там что-то... живое? Может быть, даже и людей?

– Конечно! Это и пугает меня больше всего. Там есть все мы. Только другие...

– Алан и Мэрил Чесловы! Голубки! Быстро к столу! Мы вас заждались! – донёсся рёв толпы из столовой. Толпы жаждущей и весёлой.

– Пойдём, в самом деле! Зачем от коллектива отрываться? А когда это я стала Чесловой?

– Ну... народ слагает мифы и легенды. Не будем давать повода!

Бифштексы были великолепны, с поджаренным луком и рассыпающейся картошкой, а огурчики приятно сочетались с обжигающей водкой. Очень быстро вспыхивали и рассыпались искрами острые темы, кто-то требовал музыки, а кто-то уже блевал за крыльцом. Потом начались танцы, которые из тесного помещения переместились под луну. А ведь ещё предвкушалась баня с паром и вениками, поэтому рассудительные убрали водку со стола и разлили по кувшинам холодный квас.

– Ребята, баня будет семейная. Кто против? Все согласны. Значит, надо установить очередь. – высказался практичный Бен.

– А зачем нам очередь? Сидим в предбаннике, отдыхаем с... квасом. Кому охота, идёт париться. Потом кто-то другой, кому приспичит. И никакого лимита. Пошли?

Женщинам нашлись махровые простыни, мужики решили, что с них и полотенце хватит. Предбанник был просторный, с лавками и столом. Первым нырнули в жар самые хитрые – Семён с Жанной. Сразу донеслись дикие крики и визг. Все им позавидовали.

– Пойдём пока, покурим, на речку полюбуемся, – предложила Лиска, и её поняли правильно. Вдвоём они уселись на пригорке над речкой, прямо на уже холодную траву. Из бани доносилась музыка, где-то лаяли собаки.

– Ты хотел-бы жить вот так? Ведь хорошо как. Просторный дом, летом огурчики, смородина здесь растёт.

– А работа?

– Да, работа, вставать на первую электричку, больше двух часов на дорогу. И денег на транспорт не напасёшься. Но ведь люди живут, и многие в городе работают, в деревнях сейчас работу не найти. Да я так, теоретически...

– Действительно. Но такой домик иметь не плохо, на выходные выезжать...

– Ребята, идёте париться? – донёсся голос Бена.

– Идите вы, мы подождём.

– Пойдём, Ира, мы, трахаются, наверное, – услышали они комментарий шёпотом.

– Холодно, уже, на траве-то, – ответил на комментарий пьяный женский голос. – А погодка прелестная, вдохновляет.

– Сволочи! – определил Алан. – Грубые, приземлённые

люди. А это что такое, слышишь, Лиска?

Внизу, в темноте по камышовым зарослям пронёсся гулкий шум, отозвались кроны деревьев, в лицо полетели охапки листьев, а потом их захватил порыв ветра, стал рвать волосы, превратился в сплошной поток пыльного воздуха.

– Уходим! – прокричал Алан. – Быстрее! Откуда здесь столько пыли? Как в пустыне Сахара, самом настоящем!

Они вскочили, пригибаясь и пряча лица, побежали к бане, захлопнули дверь.

– Что такое, с ума природа сошла! Как перед грозой. Что-ж, переживём. И не такое переживали. Наливай, Бен.

Потом они хлестали друг друга веником по горячим спинам, захлёбывались обжигающим паром, в изнеможении лежали на обжигающей полке, и снова поддавали пару, стирая с глаз солёный пот. Так было долго, это было прекрасно, они менялись, ждали, пока камни снова раскалятся. Они вымывали из тел холодный город.

6. О доверии и болезнях

Через три дня, во вторник утром они вернулись домой, на Московский проспект. У них было ещё две бани и две грозы, но были и солнечные дни на травянистом пляже, и вечерние посиделки у костра во дворе, книги и разговоры, и всё было хорошо. Но не всё-ж скоту масленица, как выразился Бен, постоянно находиться в обществе, даже пусть и приятном – это тяжело. Уезжали с сожалением, но и облегчением. В электричке Алан уже даже решил, что Лиска забыла о своей угрозе, ведь эти дни были спокойными, никаких ужастиков он не наблюдал, только на полку с книгами, где стоял альбом Ван Гога поглядывал с опасением, ничем не обоснованным, но, войдя в квартиру, первым делом неумолимая подруга начала выискивать документы, необходимые для обследования.

– И только попробуй увильнуть! И МРТ пройдёшь, никуда не денешься! В деле о здоровье каждая мелочь важна. Компьютер тебе будет до восьми часов. Не до утра, не радуйся, а до двадцати ноль ноль по Москве.

– Я не хочу.

– Не нервируй меня. Где твоя флюшка?

– В паспорте. Но Лиска...

– «Но» говорят безответственные люди. Ты боишься уколов? Это не смертельно.

– Но подумай о моём реноме.

– Работа от этого не пострадает. Зато будут меньше насе-
дать.

– На меня будут коситься.

– Я не буду. Ал, ведь это тебе нужно.

– И тебе. И кому больше, вопрос.

– Ты прав. Значит, сделаешь это для меня. Завтра с утра едешь в отдел кадров и берёшь направление. Где у вас медицина? На Загородном проспекте? Хорошо. Мне ехать с тобой?

– Смеёшься?

– Нет. Просто, не доверяю.

– Я понимаю. Лиска, всё будет, как должно быть.

– А ты уверен? Я о твоей голове говорю. Ты – уверен?...

Так что ты скажешь, Алан Чеслов?

– Но... прости. Без «но». Я не уверен ни в чём. Но... Блин, опять но... Но ведь почти неделю не было ничего плохого. Мы хорошо отдохнули, просто классно. И я обещаю не перенапрягаться, не нервничать, не психовать. Буду вести себя хорошо.

– Теперь я тебе поверила. Алан, пару дней я буду занята на работе, надо навёрстывать, нужны деньги. Просто будь на телефоне, кстати, он у тебя заряжен? Поставь на зарядку. Деньги есть? У меня немного, держи тысячу. Это на завтра. А сегодня ванная, стиральная машинка, кухня. И у тебя тоже ведь есть дела? Заказ на обед-ужин будет?

– На твоё усмотрение. Может быть, харчо?

– Слушаюсь, мой господин. Прогуляться не хочешь?

– ?

– Баранины в магазине купить надо, хлеба, молока. Что-нибудь из прессы. Деньги на хозяйство в шкафчике над мультиваркой. И лук не забудь!

На улице было солнечно, несмотря на гуляющие облачка, прохожие одеты ярко, легко, по летнему. Алан размахивал сумкой, улыбался девушкам. Свобода! Конечно, с обследованием будут какие-то ограничения, чорт-бы его побрал, но раз нужно...

Дальше всё было суматошно, кричали люди, визжали тормоза, небо крутилось перед глазами. Потом затемнение, потом туман. Над ним склонились люди, кто-то кричал о необходимости вызвать скорую помощь. Для кого? Он лежал на асфальте. На мостовой? Кто-то подхватил его за руки, с натугой потащили с проезжей части... Зачем?

– Постойте, господа, куда вы меня волокёте? Со мной порядок! Отпустите-же меня!

С трудом он пытался удержаться на ногах, получилось, но его качало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.